

ЮБИЛЯРИЙ

У замечательного композитора Никиты Владимировича Богословского юбилей. На праздничном пироге загорятся 90 свечей. Выдающийся композитор, к тому же отменный остролов с увлечением путешествует в прошлое и будущее. В его песнях живет любовь и грусть.

Вот они, наши хиты: "Я на подвиг тебя провожала", "Любимый город", "Спят курганы темные", "Три года ты мне снилась", "Темная ночь"... Другим песням придает крылатость неиссякаемый юмор сочинителя: вспоминается его милый "Старый извозчик" с древней кобылкой. Весь мир аплодировал русскому композитору, когда он выступал со своими концертами. И в 90 лет Богословский сохранил вкус к жизни. Никакого уныния не заметно на лице юбиляра — по-прежнему цветут его голубые глаза.

— Никита Владимирович, кто награждает вас такими невыцветающими синими глазами?

— Это подарок моей мамы. Я сначала сопротивлялся, а потом согласился... Мой дед был основателем педиатрии в России. Его звали Николай Иванович Быстров, в Петербурге даже была клиника его имени.

Мамин отец был камергером двора Его Величества. Звали его Владимир Михайлович Поземковский. Когда Репин рисовал свою картину "Заседание Государственного Совета", то он делал сначала эскизы. Рисовал он и Владимира Михайловича. Когда картина была завершена, Репин подарил эскизы всем, с кого он писал свои портреты.

Висел у нас дома этот эскиз — на нем дед в мундире с золотыми листьями. Когда по Кировскому делу в Ленинграде начались аресты, то бабушка так испугалась, что замазала все блестящие листья на мундире, и стал дед похож на председателя рыболовческого колхоза. А вот в страшном 37-м бабушка сожгла этот портрет. Таким образом Россия лишилась одного репинского шедевра. Моя мама училась в консерватории по классу фортепиано. Дошла до самого выпуска, но прославиться ей помешало появление внутри ее организма вот этого типа (показывает на себя), и ей пришлось просить учебу.

— А кем был ваш отец?

— Юристом. А еще раньше — моряком, мичманом. Меня, как во всех интеллигентных семьях, стали учить музыке с четырех лет. С отвращением я сажился за инструмент. Когда стал неугомонным школьником, мама схитрила: "Будешь приносить пятерку по поведению, от музыки освобожу". Как вы понимаете, тройку в дневнике переделать на пятерку ничего не стоит. Я тренировал руку с помощью резинки и ручки. И за такой успех меня освободили от музыки. Но как-то ночью, когда у нас были гости, а меня отправили в кровать, мама заиграла 2-ю балладу Шопена. Я услышал и вдруг заплакал. После Шопена мама стала наигрывать что-то легкомысленное из Вертинского. И во мне произошло нечто — я укрепился в своем интересе к музыке. Утром подошел к роялю и, не пытаясь что-то сочинить, просто ляпал пальцами по клавишам. Бабушка обратила внимание на мою имитацию, меня показали композитору и педагогу Александру Викторовичу Пашенко, и он обнадежил родных: "Тут кое-что имеется". И стал со мной заниматься, а через год показал меня Глазунову.

Александр Константинович Глазунов меня поджидал. Я вошел в его кабинет, и этот полный, большой, похожий на Тараса Бульбу человек встал, подошел ко мне, поздоровался. По наивности, а было мне лет восемь, я не придавал значения, что такой композитор меня встречает столь радушно. Я к тому времени написал первый акт оперы "Мечта мира" по роману английского драматурга о втором путешествии Одиссея. Глазунов взял партитуру, перелистал ее и стал испытывать мой слух, память на самые знаменитые мелодии. Но я совершенно ничего не знал. И тогда Александр Константинович сказал: "А это что такое?" И произошло чудо: он сыграл всю мою увертюру к опере. Я стал искать, где мои ноты лежат. Заглянул даже под рояль. Нет, моя партитура сиротливо лежала на столе. Только потом я узнал о его потрясающей способности запоминать партитуру мгновенно...

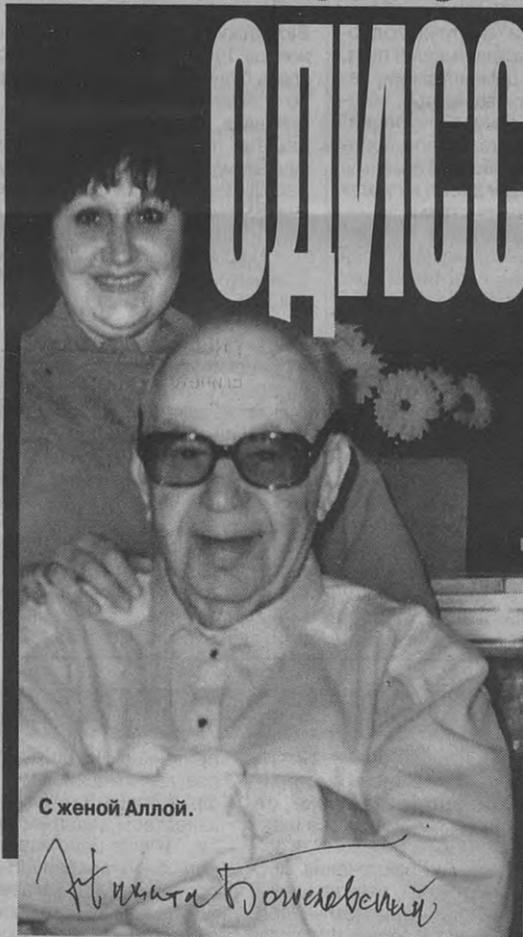
— Знаю, что 8-летний Богословский посвятил свой первый вальс дочери Леонида Утесова Эдите. Вы в нее влюбились?

— Тут такое дело было. Нас, школьников, классом водили в Театр юного зрителя. Рядом со мной оказалась девочка из другой школы. Вертелась, подавала какие-то реплики, смеялась. Мешала смотреть спектакль. В антракте мы познакомились, и она сразу пригласила меня на свой день рождения. Я стал у мамы выпрашивать ее кольцо в подарок, но пришлось мне сочинить вальс для Эдиты. Пришел я в большую квартиру Утесовых. Там было очень много детей. Никого я не знал, кроме Алика Менакера, у которого мы однажды так расшались, что я нечаянно уронил красивую большую фарфоровую вазу и от страха заплакал. Отец Алика стал меня утешать: "Не плачь, не плачь". А я ему: "Но я разбил вашу новую вазу". На что хозяин мне заметил печально: "Не плачь, она уж

НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ:
"Любимые напитки обезьян — шимпанзское, гориллка"

БОГОСЛОВСКАЯ ОДИССЕЯ

С женой Аллой.

Никита Богословский

не такая новая — ей 200 лет". Обедали мы со взрослыми, и потом началось общее веселье. Дядя Володя Горюнов, будущий знаменитый пианист, возил нас, детей, на своей спине.

На этом празднике я и сыграл свой вальс. Все обошлось. Но когда сочинение 8-летнего Богословского сыграли на 50-летию творческой деятельности Утесова, не сказав о возрасте сочинителя, я при этом испытал позорные минуты.

— В ваших песнях нежная мелодия. В них слышится голос влюбленного. Кто стоит на первой строчке вашего любовного списка?

— Первый раз я влюбился в премьершу моей оперетты по пьесе Николая Адуева "Как ее зовут" — Ольгу Шиголеву, она была старше меня на 30 лет. Никакого романа не произошло. А настоящий роман у меня возник, когда я писал музыку к фильму "Остров сокровищ". Помощником художника на съемках работала Ирина Кичанова. Влюбился, женился. Но прожили мы с ней недолго — разрыв произошел при смешных обстоятельствах. Сидели мы с Ирой совершенно без денег, и вдруг я получил гонорар — крупную сумму. Передал ей с уверенностью, что теперь у нас в хозяйстве все наладится. И вдруг на следующий день моя жена просит у меня денег на обед. Я в полном недоумении, а Ирина "обрадовала" меня: "Я купила очень ценную, замечательную вещь — ты будешь доволен". Как вы думаете, что она купила?

— Теряюсь в догадках.

— В комиссионке она купила кандалы Рылеева (смеется). Так мой брак рухнул... А потом я женился на Наташе (произнес с тихой нежностью). 37 лет мы с ней прожили в любви. Ее отец был крупный партийный деятель Панкратов. Он выступал и как литературный критик, писал под псевдонимом Иван Макарьев. Работал с Горьким. Арестованный, он провел в лагере 20 лет. А как возвратился, посмотрел на все, что происходит кругом, в ванне с водой перерезал себе вены. Спасти его не удалось... Очень симпатичный мужик был. На Дальнем Востоке в лагере, где он был, взбунтовались уголовники. И он один смог справиться с гневом шпаны. И за это его на какое-то время расконвоировали...

Моя Наташа была журналисткой. Она, увы, умерла в 89-м году... Наш сын Андрей Богословский закончил Литинститут, к тому же он музыкант — прошел весь консерваторский композиторский курс. Написал "Алые паруса" — и либретто, и стихи, и музыку. Эта вещь Андрея шла в Чехословакии, Болгарии, Аргентине... У нас ее давали только в концертном исполнении.

Никита Владимирович отвалился второй раз жениться на молодой женщине, композиторе Алле Николаевне Сивашовой. Разница в возрасте — 36 лет.

— Редчайший случай выпал на мою долю. Алла закончила консерваторию по классу композиции. Отмечена премией Ленинского комсомола. У нее хороший вкус. Я ее очень люблю и в течение 10 лет постепенно отошел от своих горестей. Ведь это я предложил ей руку и сердце, и она меня осыпала юмор. Мои шутки, литературные забавы сначала проверяю на ней, уж не говорю о музыкальных сочинениях. Тут она самый строгий мой критик. Мои юбилейные концерты и в "России", и в зале Чайковского — это ее инициатива.

— Алла заботливая кормилица?

— Не могу сказать, что наш стол — совершенно изысканный. Мне многого нельзя — у меня диабет. В том наборе, что мне можно есть, она всем меня обеспечивает. У нее необыкновенное свойство — предугадывать мои желания. Радуюсь творческим делам Аллы. Недавно у нее был вечер в Доме актера — исполнялись с успехом ее романсы.

— Алла посвящала вам свои сочинения?

— И не одно. Сейчас вот тайно от меня она что-то сочиняет и напевает свой юбилейный сюрприз для меня.

— Наверное, испытывали пушкинское состояние: "Еще бокалов жажда просит залить горячий жар котлет"?

— К алкоголю, особенно к вину, относился с большой симпатией. Но не стал зависим от этой горячи и сладости. Пьешь, пьешь, бывало... И вдруг — как удар в челюсть! — стоп, остановка! Один случай был — напился я на дне рождения космонавта Севастьянова. В гостях было много космонавтов и за каждым пришлось принять, чуть ли не насильно... Тяжелый случай. Вообще-то выпить я люблю. А теперь нельзя. Но я от этого не очень страдаю. Наблюдаю, как на приемах и фуршетах пьют другие.

— И вы тут же сочиняете свой мини-пасквиль: "Старик был настолько бодр, что даже мог самостоятельно уходить". В какое время вам чаще лезут в голову острые строки?

— Иногда ночью. Запишешь начерно, а потом доработаешь. А иногда набело сочинишь какую-нибудь штучку. Богословский в совершенстве владеет классическими музыкальными жанрами. Случается, он осваивает и новые.

— Меня всегда притягивал Блок. Я объединил его "Незнакомку" и "Балаганчик". Там, где у Блока проза, у меня идет скрещивающаяся система оперных лейтмотивов. Играет оркестр, идет, грубо говоря, мелодекламация. А когда появляются блоковские стихи — это все поется... У Бориса Покровского шла моя опера "Соль" по Бабелю. Начал ее писать перед войной, когда посадили Бабеля. Потом был перерыв по политическим причинам. И потому сроки сочинения в "Соли" масштабны — с 34-го по 82-й год.

У Никиты Богословского вышло семь книжек. Только что он получил изысканный томик "Забавно, грустно и смешно!" Издательство "Эксмо" одело новое творение Богословского в конструктивистскую обложку с коллажем. Открывается сбор-

ник грустным стихотворением "Смутная надежда": "В разгаре Двадцать Первый век. И, на исходе дня, умрет последний человек, который знал меня..." Но не таков 90-летний автор, чтобы впасть в меланхолию — он улыбаются: "Полетит песня не спеша, отправится в полет... Его ж бессмертная душа неслышно подпоет".

В книге — розыгрыши, забавы, изящные афоризмы. Ну, например, такие: "Чем старше человек, тем моложе должен быть шашлык"; "Из всех видов искусства для нас сейчас самым важным является достать деньги". Опасный зубоскал Богословский создал свой иронический шедевр "Мои университеты", где поведаль, как бязали знаменитых людей искусства ходить в университет марксизма-ленинизма. И какой же из этого получился веселенький цирк.

— Завадского спросили: "В каком году был XII съезд партии?" На что Юрий Александрович небрежно ответил: "Ну, это я знаю". После чего был отпущен с миром.

На устроенном в складчину банкете в "Арагви" Богословский прочел свой стишок: "Осень наступает, вянет желтый лист. По лесу гуляет молодой махист. Он гуляет в темпе, в нем бушует жизнь. Гой еси ты, эмпи — рикритицизм".

— У вас есть сатирические портреты современных политических деятелей?

— Уверен, спикер Государственной думы Селезнев узнал себя в моей зарисовке. А было дело в ту пору, когда Геннадий был главным редактором "Комсомольской правды".

— Печальное для этой газеты времячко.

— Наташа, я ведь дружен был со всеми главными редакторами "Комсомолки" с самых юных лет. Геннадия Селезнева только назначили главным, и у меня был готов материал. Позвонил, представился. Он изобразил удовольствие: "Да, приезжай завтра". Приезжаю в назначенное время — его нет. Спрашиваю: "Он что-то просил передать?" — "Нет". Я рассердился, но подумал, что его, возможно, в ЦК вызвали. Вечером снова позвонил Селезеву. Он извинился, назначил к двенадцати следующего дня. На следующий день все точно повторилось. Уехал и обо мне совсем забыл! Тогда я пошел к его первому заму и сказал все, что думаю о его начальнике. Парламентских выражений не выбирал. А после я написал рассказ, где "герой" выглядит так, как того заслуживает.

— Никита Владимирович, какая награда всего больше пришлась вам по душе?

— Несколько дней назад мне вручили орден Фонда Андрея Первозванного. Дорогой! Там 443 алмаза. Сейчас покажу. (Тут же принес пиджак с этой красивойшей наградой.)

— А что за перстень на вашем безымянном пальце?

— Он достался мне от бабушки. Заметьте — перстень сюжетный. Богатство — бриллиант — не может взять медведь, олицетворение силы, и змея, олицетворение мудрости и хитрости.

— Часто тренируетесь на тренажерах?

— Четыре раза в день по 25 шагов. О пользе не думаю. Причастность к спорту доставляет мне удовольствие.

Среди картин на стенах комнат Богословского есть парижский Целков, который продавался буквально по квадратным сантиметрам. Есть Александр Бенуа, Юрий Васильев. Все эти картины с подробным комментарием Никита Владимирович мне показывал. Я спросила его про любимый город, куда он часто путешествует. И он ответил:

— Париж. Много раз там бывал. Даже работал. Встречался со всеми парижскими русскими художниками.

— А с книжкой Зинаидой Шаховской?

— Был у нее в гостях... В Париже я узнал об одном печальном случае: Константин Симонов взял у Тэффи ее пьесу про эмигрантов. Единственный экземпляр — обещал опубликовать. Но случилось ужасное — он рукопись потерял. Никаких следов!

У Богословского дома тоже случилось маленькое происшествие: еще в советские времена примчались как-то к нему с телевидения 10 человек. Они снимали сюжет о Богословском.

— Ходили по комнатам, что-то высматривали, — рассказывает с улыбкой Алла Николаевна. — Здесь есть что посмотреть. Но когда наконец, к великому счастью, телевизионщики убрались вон, то оказалось, что кто-то из них стибрил ручку, которую Богословскому подарил Жан Марэ. Никита Владимирович похвастался этим подарком. У нас много в доме даров от Жана Марэ. Картины со стены они взяли не сумели и вазу от Марэ не рискнули прихватить, а дареную ручку все-таки скоммуниздили...

Никита Владимирович к возрасту своему относится с великой мудростью:

О днях былых я часто вспоминаю. Мелеет славы бурная река. И без сожаленья в суп бросаю Лавровый лист из своего венка.

Свою талантливую жену Никита Владимирович называет "маленькая моя", несмотря на то, что сам весит ровно вдвое меньше.

— Я зову его весело Никитос, — говорит Алла. — Такая у нас игра... Юбилей Богословского мы начали отмечать чуть раньше. Свой творческий вечер в Доме актера я посвятила своему гениальному мужу.

26 мая в концертном зале "Россия" состоится юбилейный вечер "Богословская комедия". Выступят Иосиф Кобзон, Нани Бреговдзе, Юрий Антонов, Олег Газманов, "Песняры", Валентина Толкунова, "Самозвезды", группа "Доктор Ватсон", Игорь Бутман со своим Биг-бэндом. В концерте прозвучит музыкальный сюрприз Аллы Сивашовой-Богословской.

А 28 мая в зале Чайковского симфонический концерт Никиты Богословского. Государственный симфонический оркестр под управлением Владимира Понькина исполнит две симфонии композитора и симфоническую повесть "Василий Теркин". И вновь выступит Алла Сивашова-Богословская.

Наталья ДАРДЫКИНА.